

ОБРАЗ ОСЕНИ В СУМЕРЕЧНОМ СОЗНАНИИ БАРАТЫНСКОГО

В. Е. Лебедева

БГПУ (Минск)

Науч. рук. – О. Р. Хомякова, канд. филолог. наук, доц.

Аннотация. В статье анализируется стихотворение Е. Баратынского «Осень», показывается специфика художественного воплощения образа осени в лирике поэта.

Ключевые слова: лирика природы; философская лирика; толпа – поэт; человек – природа.

Стихотворение Е. Баратынского «Осень» входит в поэтический сборник «Сумерки». Ю. М. Лотман заметил, что «Осень» – квинтэссенция знаменитого сборника, ведь смысл части постигается в ее отношении к целому [5, с. 89]. И, действительно, в стихотворении можно найти ключевые мотивы поэзии Баратынского, концентрирующие сущность всей философии поэта. Связано ли название стихотворения – «Осень» – с названием сборника – «Сумерки»? Возможно, ведь сумерки – это своеобразная грань между заходом солнца и наступлением ночи: некий переход, образ пограничности – уже нет и еще нет. Похожее состояние мы наблюдаем и у осенней поры года: некий таинственный переход от красочного лета к ледяной зиме. Функцию сумерек здесь выполняет сентябрь – время пышного угасания природы.

Стихотворение начинается анафорой «*И вот Сентябрь!*» – и продолжается картинками природы, в которых проявляются эмоциональные и живописные черты угасания. Изображаются этапы наступления осени: солнце – «хладно», его «золото» – «неверно», «сень дубов» – «желтеет» и т.д. [4]. Автор ведет читателя от «сиянья» в начале строк к смерти в конце: звуки жизни сменяются беззвучием. Ю. М. Лотман отмечает: «Вся цепь образов ведет к молчанию как некоему наиболее глубокому выражению смерти. Сама смерть не имеет признаков. Она – их отсутствие, нулевой уровень» [5, с. 89].

Вторая строфа «Осени» пронизана предчувствием зимы, отсылает к будущему: *«Пробудится ненастливый Эол: / Пред ним помчится прах летучий, / Качаяся, завоюет роща, дол / Покроет лист ее надучий / И набегут на небо облака, / И потемнев, запенится река»* [2]. Лирический субъект у Баратынского как будто пытается проникнуться состоянием природы – состоянием умирания [4]. Обнажается горечь и безнадежность ожидания неотвратимого, любованию природой вытесняется суровым самоосуждением человека, не сумевшего собрать свой *«плод годовых трудов»*.

В следующих строках мысль Баратынского обращается к прошлому: в его памяти еще слышны «шептанья» лета. Однако поэт быстро возвращается к реальности, осознавая, что это лишь *«всесильный сон минутных летних дней»*. Этим контрастом летнего и живого с мертвящим холодом приближающейся зимы усиливается ощущение драматизма жизни. Появляется образ дровосека, который, словно часы, отстукивает последние мгновения. Дальше – первые знаки угасания: упоминание снега и белизны. Оба последних образа у Баратынского устойчиво связаны со смертью.

В четвертой строфе поэт рисует природу во взаимосвязи с человеком. И эмоциональная тональность стихотворения постепенно меняется: осень – время, когда собирают плоды. И счастливы те, кому есть что собрать. Перед нами крестьянский быт, наполненное живыми красками описание жизнедеятельности простого селянина. Труд здесь выступает неким гармоничным началом эстетической картины взаимоотношений человека и природы. *«Труд – это язык, на котором человек говорит с природой и природа с человеком»* [5, с. 89]. Здесь все приобретает одушевленность и жизнь: *«гуляет серп», «снопы стоят»* и *«тянутся вдоль жнивы»*.

В шестой строфе проводится параллель между *«земледелом»* и поэтом. И снова меняется эмоциональная тональность стихотворения. Так же, как земледелец, поэт *«выращивает»* свое творчество. *«Жизненное поле»* воспринимается как некий смысл существования. Для творца-земледела, как и для творца-поэта важно увидеть «плоды» своей деятельности. Пройдя *«житейские борозды»*, человек получает награду за труд. Эта награда непростая, ее цена велика.

Седьмая же строфа начинается вопросом, предполагающим сопоставление: *«Ты так же ли, как земледел, богат?»* [2]. Далее следует целый ряд параллелей «земледел-поэт», для этого Баратынский использует похожие синтаксические конструкции *«и ты, как он... – и так, как он...»*. Казалось бы, можно предположить положительный ответ. Данная возможность предсказывается следующими строками: *«Любуйся же, гордись восставшим им! / Считай свои приобретения!..»* [2]. Но идиллическая картина рушится, оптимистическое настроение опровергается. Мир меняет

краски, реальность предстает вне иллюзий: «Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским / Тобой скопленные презренье, / Язвительный, неотразимый стыд/ Души твоей обманов и обид!» [2].

В восьмой строфе усиливается эффект взаимоналожения природного и человеческого: «Твой день взошел, и для тебя ясна. / Вся дерзость юных легковерий» [2]. Баратынский не говорит «настанет день», а выбирает глагол «взошел». Обратимся к словарю В. И. Даля: «**Взойти** 1. Идя, подняться наверх. 2. О небесных светилах: подняться над горизонтом. 3. Прорастая, показаться на поверхности почвы (о посеянном, посаженных семечках» [3, т. 1, с. 256]. Как прорастают семена, показываясь на поверхности почвы, так душа обретает ту степень осознанности, ту ясность, которая некогда прорастала в ее глубине. Но семена человеческого опыта оборачиваются той горькой зрелостью разума, которая делает поэта всего лишь «бесплодных дебрей созерцателем».

В десятой строфе «певец пиров и грусти томной» (так называл Баратынского А. С. Пушкин) рисует картину неожиданного пира, праздника, псевдинамика, которого создается потоком глаголов настоящего времени несовершенного вида: «зови», «спеши», «проси», «сажай». Перед читателем «праздник» с блистательным («блистает он») вкусом смерти: «элегия Баратынского, как известно, изображает картину осени в природе, символизирующей «осень дней» для человека – «оратая жизненного поля», которого поэт призывает: «Садись один и тризну соверши / По радостям земным твоей души!» [6, с. 3].

Одиннадцатая и двенадцатая строфы представляют выбор между двумя возможностями: примешь ты суровую реальность мира сего и болезненный опыт как ценнейший жизненный клад или же выберешь романтическую мечтательность, которая создает ирреальность, игру в существование, но зато позволяет жить жизнью толпы.

Четырнадцатая строфа снова возвращает читателя к картинам природы, теперь они даются в романтическом ключе, и все гиперболизировано: ветер – здесь превращается в бурю, море – в океан. Только апокалипсические изображения природы находят отклик в ленивом уме толпы, который явно высмеивается поэтом. Пошлый глас, глас низкий, лишенный самобытности, находит отклик толпы, но не будет понято нешаблонное слово.

Таким образом, отношения толпа – поэт, человек – природа оканчиваются непримиримым молчанием, казалось бы, нарастающая динамика, предполагающая результативность, выливается в безысходность, развитие мысли прерывается – перед нами мир природы, скованный зимой. Баратынский завершает свое стихотворение торжеством зимы, неизбежной властью смерти. Но если в природе смерть – зарождение новой жизни, то поэту воскреснуть к новой

жизни не дано. По справедливому утверждению С. А. Андреевского, «Баратынский постоянно порывался «перейти страстное земное», и вся его муза есть муза глубокой скорби о каком-то необретаемом идеале» [1, с. 3]. Стихотворение «Осень» Баратынского пропитано торжественной печалью. В нем воплотилась драматическая коллизия дум и чувств: ощущая несостоятельность земных идеалов, поэт силою разума отрицает мечтательно-прекрасное, но и не решается расстаться с ним. Баратынский вложил в свое стихотворение мысли искренние, глубокие, поэтому и вечные.

Литература

1. Андреевский, С. А. Книга о смерти / С. А. Андреевский. – М. : Наука, Серия «Литературные памятники», 2005.
2. Баратынский, Е. Осень [Электронный ресурс] / Е. Баратынский // Баратынский Евгений Абрамович. – Режим доступа: <http://baratynskiy.lit-info.ru/baratynskiy/stihi/osen.htm>. – Дата доступа: 17.04.2018.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : Диамант СПб, 1998.
4. Козлов, В. Сумма элегий: «Осень» Баратынского [Электронный ресурс] / В. Козлов // Гостиная: литературно-художественный журнал. – Режим доступа: <http://gostinaya.net/?p=10528>. – Дата доступа: 17.04.2018.
5. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1996.
6. Федоров, А. В. «Смерть поэта» среди других эссе на гибель Пушкина / А. В. Федоров // Русская литература. – 1964. – № 3.